
Человек в мире экономической реформы

С началом экономических преобразований в России обострилась политическая борьба. Все, независимо от места в политическом спектре, уверяют, что именно они отражают настроения «народа». Но фактически до сих пор очень мало проведено исследований, посвященных отношению людей к реформам, их самочувствию в непривычных условиях. За «круглым столом» собралась группа ученых Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, осуществивших такое исследование. Это доктор экономических наук, заведующий лабораторией **Иосиф ДИСКИН** и кандидаты экономических наук, старшие научные сотрудники Елена **АВРААМОВА** и **Евгений ТУРУНЦЕВ**. Наиболее интересные моменты обсуждения обобщены редактором отдела социально-экономических проблем **Наталей ПЛИСКЕВИЧ**.

И. Дискин. Собравшихся за этим «круглым столом» объединяет убеждение, что экономическую реформу нельзя сводить к некоей совокупности макроэкономических действий, к принятию набора указов, законов и прочих политико-правовых актов. Экономическая реформа, по нашему мнению, есть некий *социокультурный процесс адаптации людей к новым условиям*. И именно по тому, насколько успешно происходит эта адаптация, в какой мере люди смогли, во-первых, освоить новые ценности и, во-вторых, перестроить свои модели социального действия, можно судить об успехе или неуспехе реформ. Нельзя забывать, что в истории нашей страны попытки реформирования предпринимались неоднократно. Принимались некие правовые акты, которые общество игнорировало и продолжало жить по привычным моделям социального действия. Далее события развивались по одному из двух сценариев. Либо государство начинало террор, чтобы силой заставить исполнять свои предписания, либо, наоборот, общество приводило государство в соответствие со своими моделями и нормами социального действия.

Н. Плискевич. Тогда, очевидно, прежде всего интересно было бы выяснить: в какой степени реформы в обществе действительно происходят. На этот счет высказывается масса самых разнообразных точек зрения, начиная от правительственной, согласно которой все идет по сценариям, близким к оптимистическим, и кончая высказываниями самых разнообразных противников правительства (и рыночников, и антирыночников) о том, что никаких реформ просто нет.

И. Дискин. Я выскажу свою точку зрения на происходящее, исходя из того понимания процессов экономического реформирования, о котором только что говорил. По-моему, сегодня мы имеем дело с мощной социокультурной провокацией (провокацией в теоретическом, а не в политическом смысле), в результате которой оказались смешанными, перетасованными привычные модели социального действия, был взорван ход обыденной жизни. Сегодня в результате такой социокультурной провокации вы-

страивается некая новая реальность. В этом смысле реформы идут, и это одни из самых мощных социальных реформ среди всех, когда-либо проводившихся в России. Но, с моей точки зрения, к собственно экономическим реформам происходящее пока не имеет ни малейшего отношения. Ведь для того чтобы реформировать экономику, ее надо прежде всего иметь. А в Советском Союзе, строго говоря, никогда не существовало экономики как некоего рационализованного, целенаправленного, регулируемого экономическими категориями социального действия, все участники которого оперируют экономическими критериями и т. п. У нас не было экономики, а было лишь народное хозяйство, точно так же, как была власть, но никогда не было государства в классическом смысле понятия.

Но пока экономические категории, экономические критерии отсутствуют в сознании всех субъектов экономического действия, пока эти субъекты руководствуются не собственно экономическими соображениями, а какими-то другими, до тех пор не существует и экономики. И в этом смысле проводимые сегодня реформы можно охарактеризовать как *попытку воздействовать экономическими средствами на неэкономическую среду*. В результате такого воздействия, по-моему, усиливается то, что можно было бы назвать «социокультурной шизофренией», т. е. усилением дезорганизации общества в результате неадекватного восприятия экономических стимулов, неадекватных изначально предпосылкам и ожиданиям результатов и т. д. Но в то же время (и это также чрезвычайно важно) внутри общей дезорганизации, безусловно, выстраивается некий социальный сектор, который адекватно воспринимает экономические раздражители. То есть *внутри отсутствия экономики начинает выстраиваться экономика*. И это тоже очень интересная тема исследования: как экономика живет во внеэкономической среде, пытается адекватно реагировать на импульсы.

Е. Турунцев. По-моему, тезис о том, что экономики у нас не существовало, все-таки более чем спорный. Ведь если исходить из содержания понятия, экономика есть некая хозяйственная деятельность. И упор должен делаться не на эффективность этой деятельности, а на ее содержание, на ее направленность на некую конечную цель, которая в любом обществе существует.

И. Дискин. Но тогда и собирание корней подпадает под такое определение экономики. По-моему, это не экономика, а хозяйство. Вспомним: М. Вебер говорил, что капитализм появился только тогда, когда появились рациональное хозяйство, рациональная бухгалтерия, рациональная деятельность.

Е. Аврамова. Но ведь, например, в брежневском обществе, когда по вашему мнению, экономика не существовала, осуществлялась совершенно рациональная хозяйственная деятельность, хотя она часто носила патологические, шизофренические формы (ведь психологи знают, что бреду присуща своя логика). Безумием было, например, выплавлять металл, затем изготавливать из него подшипники и тут же отправлять их на переплавку. Но в тех условиях, в каких работали эти предприятия, такое поведение было совершенно рациональным. То была безумная экономика. И сейчас есть экономика и реформы, модифицирующие, преобразующие ее.

Н. Плискевич. Мне кажется, что, по сути, у вас нет противоречий. Терминологическое разделение экономики и народного хозяйства, предложенное Иосифом Евгеньевичем, призвано подчеркнуть качественное различие в состоянии и особенностях хозяйственной деятельности в рыночных и нерыночных условиях. Это различие признается всеми вами.

И. Дискин. Почему мне кажется важным разделение понятий «народное хозяйство» и «экономика»? Именно отсутствие такого разделения приводит к определенной путанице в общественном экономическом сознании. Экономика — это все-таки некая система экономических категорий: цена, эффективность, издержки, деньги и т. д. Если такая система категорий появилась и заработала, значит, мы имеем дело с экономикой. Но, например, в брежневский период мы имеем дело с совершенно другой средой. Ведь нельзя, скажем, исследовать процессы в газовой среде, используя категории гидродинамики. Действительно, брежневскому хозяйству были присущи своя строгая рациональность, строгая регулятивность. Но эта хозяйственная деятельность не регулировалась никакими экономическими соображениями. В качестве регулятивов выступали план, статус, соответствие ожиданиям начальства и т. п. Это было, скорее, хозяйство, строго описываемое социологическими категориями, и, думаю, еще ждет своего автора исследование «Социология неэкономического хозяйства», в котором было бы показано, что этому хозяйству свойственны строгая рациональность, глубокая внутренняя упорядоченность, точные регулятивы и т. д. И только непонимание его внутренних законов, попытки подходить к нему с экономическими мерками приводили к идее, что оно в принципе неререформируемо.

Я ввел такое различие понятий потому, что, по-моему, и сегодня мы имеем дело с точно таким же, если не более сильным хозяйством, но с совершенно другими внеэкономическими законами. В этом хозяйстве появляется и экономический сектор, живущий чрезвычайно интересной жизнью. Ибо эта жизнь тоже происходит в иррациональной с точки зрения экономики среде. Новый субъект деятельности экономического сектора выстраивает увлекательную схему перевода экономических категорий в категории социологические и затем вновь в экономические.

Е. Турунцев. Когда мы говорим о советской экономике, мы должны помнить, что политическая экономия социализма, оперируя такими категориями, как цены, затраты, прибыль, рентабельность и т. п., никогда не отождествляла их с аналогичными категориями политической экономии капитализма. Наоборот, постоянно подчеркивалось, что при социализме «в старые экономические понятия вкладывается принципиально новое содержание». То есть была предпринята попытка создать некую *новую экономическую систему с принципиально новым характером связей*, с той самой пресловутой планомерностью. Поэтому мне кажется, что нельзя говорить об отсутствии экономики. Она существовала, но на абсолютно других началах. Но тогда возникает вопрос, что значит ваш тезис о воздействии экономическими методами на то пространство, где нет экономики.

И. Дискин. Я считаю, что сама постановка вопроса не точна. В социалистическом хозяйстве был лишь мираж планомерности, и только политэкономы могли представлять себе, что существует реальная планомерность. На деле же был социологически строго выстроенный механизм функционирования. Точно так же, как за словом «цена» стояло другое содержание, слово «план» скрывало специфическую реальность. Планом назывался документ, в котором фиксировался сложный баланс отраслевых, региональных и иных интересов. То есть реальность была не экономическая, а социологическая. Если западный бизнесмен считает издержки, это значит, что он занят именно подсчетом издержек и построением на этой основе цены. И при этом, например, заработную плату он рассматривает как часть издержек, а не как нечто, к ним отношения не имеющее. И с котировкой доллара он не играет. Для него это слишком серьезные вещи. По-моему, для

нас сегодня важно не поддаться магии того, что за применяемыми к отечественным реалиям экономическими понятиями скрыто содержание, к которому мы привыкли при анализе развитой рыночной экономики.

Е. Аврамова. Если следовать вашей логике, то картина такова: в стране существовала некая квазиэффективная, квазифункциональная хозяйственная действительность, и реформаторы заявили, что хотят ее преобразовать, превратить, по вашей терминологии, хозяйство в экономику. Ясно, что для этого надо задействовать какие-то экономические рычаги. Ведь без экономического воздействия создание экономики просто невозможно. Вы же говорите: «Нет, включение экономических рычагов — всего лишь провокация, а не экономическая реформа!».

Е. Турунцев. Я согласен с Еленой Михайловной. Ведь мы не первые, вступившие на путь перехода от нерыночной к рыночной экономике. Задача такого перехода решалась и решается с помощью экспертов Международного валютного фонда и в других странах. Есть целый набор стандартных методов, позволяющих отсеять иррациональные, неэкономические области хозяйствования. Конечно, когда экономическими методами воздействуют на внеэкономическую среду, возникает некая «шизофрения». Но другого способа перехода от одного состояния к другому просто не существует.

И. Дискин. Но когда я говорю о провокации, я употребляю это слово не в оценочном, а в широком научном смысле. Ведь проблема успеха или неуспеха реформ в конечном счете сводится к проблеме соотношения тех социокультурных групп населения, которые либо готовы воспринять новые модели социального действия, уже приняли новые ценности и встраиваются в новую экономическую структуру, либо будут отвергать эти модели как ставящие под вопрос само их существование. И для того чтобы это соотношение складывалось в пользу реформ, немаловажно, на какую социокультурную почву падают семена экономического реформирования. Все мы знакомы с работой Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» и помним, на какие социокультурные ценности были наложены рыночные модели экономического действия. А потому очень важно дать точный ответ на вопрос: на какую почву легла та социокультурная провокация, о которой мы говорили? Если три четверти населения будут отторгать новые модели экономического действия, то возникает вопрос о судьбе реформ. Ведь три четверти населения — это сила, способная поступить и с реформами, и с реформаторами по-своему.

Е. Турунцев. Действительно, одно из ключевых слов анализа ситуации — *соотношение*. В этом я с вами согласен. Но для меня отнюдь не очевидно, что если даже три четверти населения останутся как бы «вне» реформ, то это приведет к их провалу. По-моему, важнейшая социологическая проблема сегодня — *какова та критическая масса, какова та доля прореформаторски настроенного населения, которая позволит реформы продолжаться*. И существует или нет в настоящий момент эта критическая масса? Но прежде чем мы перейдем к интерпретации полученных нами эмпирических данных, я хотел бы сделать еще одно замечание.

Французский филолог-структуралист Р. Барт обратил внимание на такой факт: различные французские литературные школы при описании своих моделей, своего видения мира постоянно обращались к Ж. Расину. Он давал для всех идеальный материал, который можно было все время переинтерпретировать. Барт назвал Расина классиком потому, что он задавал некий «нулевой градус» в литературе, который может быть считываем в любой системе, как бы она ни менялась. В анализе общественных процессов также

есть, по-моему, свой «нулевой градус», некие базисные ценности. Это лозунг Великой французской революции «Свобода, Равенство и Братство». Возможно, когда-то это был единый ряд. Сейчас мне представляется, что братство — некая цель, а свобода и равенство — способы ее достижения. А потому существуют как бы два биполярных социальных архетипа, один из которых укоренен на ценности свободы, а другой покоится на ценностях равенства, социальной справедливости, и оба они разлиты в обществе в той или иной мере.

Что же выступает в качестве механизма внедрения этих ценностей? Когда говорят о становлении капиталистического рыночного хозяйства, обычно вспоминают Германию эпохи Реформации, Лютера, Кальвина и т. п. Но нельзя забывать, что у нас подобные процессы развиваются в совершенно ином информационном пространстве. И это, на мой взгляд, ключевой момент. Мы имеем и радио, и телевидение, и видеосистемы, и прессу, и все прочие средства «буржуазной пропаганды». Благодаря им рыночные ценности и нормы стали приживаться у нас отнюдь не с момента начала реформ, а гораздо раньше. Более того, само наличие этой информации и укоренение ее в обществе в значительной степени послужили толчком к началу реформ.

И. Дискин. По-моему, в этих рассуждениях есть методологический пропуск. Никто не отрицает, что у нас ценности благосостояния, либеральные ценности, связанные с личной свободой действий и с личной ответственностью, уже длительное время постоянно формировались и число сторонников этих ценностей росло. И не секрет, что проблемой советского общества было существование двойного сознания. А при двойном сознании экономика, в отличие от народного хозяйства, просто не может существовать. При наличии двойного сознания существует четкая блокировка ценностей и моделей социального действия. Ценности могут фигурировать в идеологических пластах сознания, не служа при этом регулятивными моделями социального действия. Именно поэтому, говоря о нашем обществе, я употребляю выражение «социокультурная шизофрения». Ценности у нас разделены, оторваны от интересов. Сегодня мы сталкиваемся с этим на каждом шагу, и именно поэтому у нас такая «экономика».

Экономика начинается только тогда, когда в обществе начинается массовая «склейка» ценностей, интересов и моделей социального действия. Что же происходит сегодня в действительности? В какой-то мере на этот вопрос дают ответ проведенные нами исследования.

Н. Плискевич. В качестве объекта изучения вами была избрана аудитория газеты «Труд». Это, пожалуй, наиболее массовая газета, распространяющаяся не только в России, но и во всех других государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР. Как орган профсоюзов она всегда была привлекательна для самого широкого круга лиц наемного труда. Ее читательская аудитория оценивается сегодня несколькими десятками миллионов человек — те самые так называемые «простые люди», от поведения которых и зависит, в основном, судьба реформы.

И. Дискин. Мы стремились охватить своим обследованием не ту часть наших сограждан, которая быстро модернизируется, имеет хорошие навыки рационализации сознания, внутренней работы над собой, не ту часть, которая была готова к преобразованиям, к тому, чтобы быстро «склеивать» свои ценности и интересы. А таких людей немало. Потому я и говорю, что экономика у нас появляется. Нас интересовало, в какой мере предложенная обществу шоковая терапия позволяет преодолеть его принципиальную болезнь — разрыв между ценностями и системой интересов. *Лишь тогда, когда будет выстроен единый мотивационный комплекс, модели социаль-*

ного действия станут адекватно реагировать на стимулы, возникнут трудовая, производственная, предпринимательская и т. п. мотивации, можно будет сказать, что главная проблема реформ решена. Инвестиции, прогрессивные технологии — все это, по-моему, вторично. Это уже проблемы квалификации, знаний, опыта и т. д. Главное — вылечить фундаментальную социокультурную болезнь нашего общества.

Е. Аврамова. Общество наше сейчас находится в ситуации, когда старая экономика (или, по выражению Иосифа Евгеньевича, народное хозяйство) рухнула и образовался некий хаос социокультурной трансформации. Идет процесс адаптации к новой действительности, разворачиваются некие социокультурные процессы. Все это показывает наше исследование. Первый эмпирический вывод, который мы смогли сделать, заключается в том, что *социокультурная действительность, ценностные, социально-психологические обстоятельства воздействуют на людей гораздо больше, чем обстоятельства материального характера.* Такие факторы, как материальные условия жизни, размеры получаемых доходов, оказались гораздо менее значимыми, чем социально-психологическое состояние общества. Это видно хотя бы по тому, что оценки эмоционального состояния практически не коррелируют с оценками финансового состояния. Первые гораздо жестче вторых.

И. Дискин. И этот факт, в частности, свидетельствует о том, что классические квазимарксовы сюжеты об определяющей роли материальных факторов сегодня в нашей стране не действуют.

Е. Турунцев. Здесь помимо других причин уместно вспомнить о проблеме *наведенного страха.* Очень много людей, которые внутренне разделяют идеи реформ, но боятся, что соседи их не разделяют. «Я готов стать самостоятельным фермером,— думает такой человек,— но боюсь, что завтра мой сосед на меня с вилами пойдет». А сосед его думает точно так же. Вот в чем может быть причина эмоциональной неустойчивости.

И. Дискин. Неплохой тезис. Я бы добавил еще одну гипотезу. Сейчас у нас новые правила экономической и социальной игры еще не освоены, и в обществе существует прекрасное понимание этого. До конца не ясно, как будет действовать это общество, как поведет себя правительство, выживет ли эта экономика, будет или не будет холод и голод зимой. Вся эта *неопределенность* не может не порождать чувства тревоги. Потому что ничто так не способствует появлению чувства тревоги у человека, как неизвестность. Любая, даже очень сильная, но явная опасность действует на людей меньше, чем общее состояние неопределенности.

Е. Аврамова. Посмотрим, каковы наши эмпирические факты. Мы пытались выяснить, чего же опасаются люди. Может быть, они боятся голода или нужды? Выяснилось, что этого боятся не очень сильно. Реально высказали такое опасение всего 11% опрошенных. Может быть, боятся безработицы? Оказалось, что аудитория газеты «Труд» не очень опасается и этого. Безработицы опасаются в основном женщины предпенсионного возраста. Но чувство тревоги и дискомфорта испытывают и мужчины в трудоспособном возрасте. Чего они боятся? Может быть, обострения криминогенной обстановки, роста уличной преступности, бандитизма и т. п.? Оказывается, таких тоже не очень много. То есть в общем мы можем зафиксировать присутствие некоего *общего метафизического страха.*

Е. Турунцев. Нет. Это то, о чем Э. Фромм написал: «Страх свободы!». Мы

имеем дело с авторитарным характером, описанным Фроммом, и *бегством от свободы*.

И. Дискин. Это было бы так, если бы речь шла об устойчивом обществе, в котором ценности сильно проблематизированы. У нас же, повторю, генератором тревоги выступает *общее состояние неопределенности*. Ведь еще вопрос, произошла ли уже проблематизация ценностей в нашем обществе. Нам все-таки приходится «вытягивать» эти ценности при опросах. А, кроме того, при таком «вытягивании» происходит и «вменение» этих ценностей опрашиваемым. Конечно, возможно, что в основе выявленного нами страха лежат фундаментальные социокультурные архетипы. Но и в данном случае возникают вопросы: как все это трансформируется, *какие самообъясняющие схемы существуют в нашем обществе?* Мне представляется, что такие схемы модифицируют все механизмы социокультурного действия. Именно поэтому многие сегодня (и я в том числе) считают, что *нужна новая идеология*, какую бы идиосинкразию ни вызывало сегодня это слово. То есть нужна идеологическая матрица объяснений, которая во многом способна перенаправить, переканаллизировать все эти страхи. Ведь в отсутствие идеологии, устоявшихся штампов массового сознания просто не удастся перематрицировать, перекодифицировать угнетающую всех общую тревогу, неопределенность и т. д. А значит, не удастся решить и общей проблемы, о которой я говорил,— преодоления разрыва между непроблематизированными ценностями и интересами, которые, кстати, тоже должны быть матрицированы. Ценности и интересы должны подходить друг другу, как штепсель и розетка, быть стандартизированными в массовом сознании.

Е. Аврамова. Вот еще один эмпирический факт. У нас был вопрос по поводу способов социального действия или социального поведения. Выяснилось, что 46% опрошенных хотят найти свое место в рыночной экономике, войти в новую экономику. Я лично считаю эту цифру очень высокой для той аудитории, какую представляют собой читатели газеты «Труд». Но затем был вопрос: как, каким способом вы бы это сделали, и эти 46% стали размываться, потому что абсолютное большинство не знают как. Лишь очень небольшое число опрошенных уже предприняли какие-то шаги: вошли в совместные предприятия, кооперативы, нашли дополнительные заработки и г. п. А около 20% вообще не представляют себе, как реализовать свои желания перехода в новую экономику. Думается, здесь есть серьезная проблема. Ведь мы живем в стране, где население привыкло утром в «Правде» прочесть, куда, как и зачем надо пойти. Если бы этим 20% грамотно и квалифицированно объяснили «куда и как», может быть, многие напряженности были бы сняты. По-моему, власти должны над этим подумать, создать какие-то инструменты воздействия на эти 46% желающих участвовать в реформах. Пусть в данном случае мы имеем прикладную задачу, не относящуюся к сути реформ.

И. Дискин. Она имеет отношение к *философии реформ*. Государство должно понять, что сейчас у нас речь идет не о действии экономических субъектов, в которое на самом деле не надо вмешиваться, а только о формировании таковых в иной социокультурной среде. Причем в такой среде, в которой его роль традиционно была велика. В этот процесс государство обязано вмешиваться, и его послушают. В современном социокультурном процессе есть образы неопределенные, но есть и фигуры устоявшиеся; одна из таких фигур — государство. И заявить сегодня, что государство перестает вмешиваться в дела экономики,— это, по-моему, значит не просто отказаться от привычных для нас функций, но и создать некий вакуум внутри каждого человека. Поэтому мне кажется, что главное измерение

реформ сегодня не экономическое, а социокультурное. Это другая философия, другая игра.

Е. Авраамова. Я не согласна, что надо говорить о другой игре. Игра может быть та же, нужно только уточнить правила. Ведь из того, что я говорила, следует: к содержанию реформ мы еще не подошли. Нам нужен *аппарат приведения реформ в действие*.

И. Дискин. Но главным содержанием реформ как раз и являются *изменения в социокультурном пласте общества*. Главным критерием, по которому можно судить, идут ли реформы, хороши они или плохи, в нужном ли направлении они продвигаются, являются, по-моему, изменения в поведении людей, формирование новых регулятивов социокультурного действия. Эффективности мы добьемся тогда, когда все «шкивы и приводные ремни» зацепятся. Если же мы подходим к проблеме, считая, что главное — кредиты, капитальные вложения, темпы инфляции и т. п., то в каком-то смысле мы начинаем играть в другую игру. По-разному можно оценивать движение, глядя на спидометр или думая о том, насколько дорога прочная, хотя оба эти критерия имеют отношение к движению.

Е. Авраамова. Ну, наша аудитория показывает достаточную прочность дороги.

И. Дискин. Какой мы сделаем общий вывод. Наше общество, *в принципе, готово к реформам*. Идет процесс склеивания ценностей и более или менее рационализированной оценки своей ситуации. Появляются новые интересы, поскольку накапливается новый социальный опыт, соотнесение своих ценностей и действий. Но этот процесс не может идти быстро. Мы находимся лишь на *первом этапе* склейки ценностей, готовности воспринять реформу и выстроить на их основе некие модели социального действия. Но далее должен следовать второй этап, на котором должны произойти *превращение этих моделей в реальность*, освоение новой социально-экономической жизни и выстраивание своих интересов на основе такого освоения. Это процесс трудный и долгий. В решающей степени он будет зависеть от того, *в какой мере реальность будет выстраиваться с учетом социокультурного контекста*. Ведь что мы обнаружили. При готовности в целом принять реформы наши респонденты сегодняшние реформы воспринимают крайне негативно. Всего 10%, опрошенных заявили о своей поддержке политики российского правительства и проводимых им реформ; 50% считают, что правительственная политика нуждается в корректировке, в усилении социальной составляющей; 40% полагают, что предложенный вариант реформ вообще никуда не годится. Можно сделать вывод — наша аудитория говорит: «Мы хотим реформ, но это не реформы».

Е. Турунцев. Вот, наконец, мы подошли к проблеме соотношения. Вы назвали очень хорошие цифры — 10, 50 и 40%. Но, интерпретируя их, вы складываете 50 и 40, а я 10 и 50. И в этом наше принципиальное расхождение. Вот мы говорили о том, что в нашем обследовании из 46% желающих участвовать в реформах подавляющее большинство не знает, как это делать. Я бы на это ответил: «А они и не должны знать». Ведь аудитория нашего обследования в основном состоит из наемных работников. Они так-то по своему статусу, по своей психологии. И как только те 10%, которые поддерживают правительство реформ и знают, что делать (а я уверен — они знают!), создадут новое экономическое пространство, они поглотят эти 46% в качестве наемных работников. Это будет ситуация *сохранения привычного для многих патернализма*, только патернализм государства сменится патернализмом хозяина. И, кроме того, мне думается, что идеологические

лакуны, о которых беспокоится Иосиф Евгеньевич, естественно заполняются сами собой. Не существует незаполненности сознания.

И. Дискин. Но я говорю о другом. С ценностным пластом у нас все более или менее в порядке. Беда в том, что *ценности пока не являются основанием, задающим каркасом механизмов социального действия*. Еще есть та «социокультурная шизофрения», при которой я на уровне ценностном, идеологическом заявляю одно, а делаю нечто совершенно другое. Сегодня при глубочайшей противоречивости действия хозяйственных механизмов решение директора поднять заработную плату, несмотря ни на какую конъюнктуру, является гораздо более весомым актом, чем все действия по повышению эффективности производства. Надо видеть, что склейка между ценностями и реальными механизмами социокультурного регулирования, которая должна быть максимально рационализирована, у нас происходит в среде, постоянно подвергающейся иррациональным ударам. В этой среде, где действия определяются не подлинно экономической реальностью, а самыми причудливыми вещами, появляется дополнительный пласт социокультурной дезорганизации. Если раньше одна и та же работа на оборонном и обычном заводах давала разницу зарплаты в разы, то и теперь происходит то же самое, но уже по иным критериям. И наша исследовательская задача, по-моему, состоит в том, чтобы отслеживать возникновение новых пластов социокультурной дезорганизации, которые будут порождать дефектные (в плане рациональности) механизмы склейки ценностей и моделей социального действия. Поэтому я считаю, что правительство прежде всего должно наблюдать не за финансами, инфляцией и т. п., а именно за этими механизмами, нужно другое — социокультурное — измерение реформ.

Надо собирать и анализировать материал о том, какие факторы влияют сегодня на выстраивание механизмов социального действия, в какой мере эти факторы содействуют рационализации поведения. Потому что только рационализированная мотивация способна действовать в экономике в строгом смысле. Только рационализированные механизмы социального действия позволяют выстраивать рационализированные оценки ситуации и своего положения, адекватно реагировать на систему экономических стимулов. Важно видеть, что *чисто экономическое воздействие при неадекватной его оценке и интерпретации всеми экономическими субъектами приводит к дезорганизации*.

Е. Аврамова. Но, может быть, на неадекватную реакцию на экономические сигналы надо отвечать действиями экономическими же и просто ждать, пока субъекты нашего хозяйства, больше думающие сегодня о повышении своих зарплат и мало что делающие для повышения экономической эффективности, просто разорились бы. И это был бы пример для остальных.

И. Дискин. Однако такой вариант может для нас очень печально закончиться. Например, согласно одному из прогнозов, в случае выбора варианта рыночной долгосрочной стратегии без вмешательства государства и применения чисто рыночных механизмов стабилизация производства произойдет на уровне 48% валового национального продукта 1990 года. А вновь достигнуть этого уровня страна сможет к 2012-му году. Ясно, что такой сценарий не может быть реализован хотя бы по чисто политическим причинам. Правительство, проводящее такую политику, будет сметено.

Но здесь мы выходим за рамки обсуждения. Если вернуться к нашей теме, то главное, по-моему, состоит в четком осознании того, что любые действия как правительства, так и предпринимателей есть *стимулы*, в ответ на которые формируются реакции и модели социального действия всех населяющих сегодня одну шестую часть суши. Когда мы говорим, что ме-

ханизмы социального действия выстраиваются под воздействием внешних реакций, на основе рационализированной или иррационализированной оценки происходящего, то надо видеть, что сегодня главным «возмущающим фактором» являются именно действия правительства, задающего общую рамку реформ, схему ценностей и поле деятельности для предпринимателей. А последние в глазах населения выступают в качестве носителей образцовых моделей рыночного действия, тогда как на самом деле они задают внерыночные образцы. Приведу простой пример. Первое, что делают сегодня представители наших зарождающихся коммерческих структур, — покупают себе автомобили «Вольво», «Мерседес» и т. п. Но разве это производительное вложение капитала? Как тут не вспомнить патриархов зарождающегося английского капитализма, которые даже собственные семьи морили голодом, лишь бы их капитал рос, дело процветало и в конце жизни они могли бы отчитаться перед Богом и перед наследниками за многократно умноженное и работающее богатство.

Е. Турунцев. Вы затронули еще одну возможную тему нашего обсуждения — поведение элит, формирующих образцы социального действия в новых условиях, — и выдвинули тезис о том, что предлагаемые нам сегодня образцы не могут быть образцами постольку, поскольку мы наблюдаем иррациональное поведение в этом, вновь формирующемся пространстве...

И. Дискин. Не совсем так. Эти образцы — разные, но они будут иррациональны, если будут неадекватны той реальности, к которой обращены. Либо же могут задаваться образцы нерационализированного действия, либо образцы, вполне рационализированные для себя, но не адекватные социокультурному контексту, не соответствующие провозглашенным идеологическим конструктам.

Е. Турунцев. Мы вновь вернулись к эталонам, связанным с протестантской этикой. Но протестантская этика была описана только как «пусковой механизм». Это в XVI—XVIII веках имел значение тезис ответственности перед Богом. Сегодня, например, в Америке говорят просто: «Заработал миллион, начинай зарабатывать второй». Эта формула интернациональная по своему содержанию, и уже не нужны ни Кальвин, ни Лютер. Как при всяком запуске механизма когда-то был момент внешнего принуждения, но потом все пошло автоматически — деньги зарабатывают деньги.

И. Дискин. Конечно, Бог тут ни при чем. Но в современном западном обществе существуют жесткие *горизонтальные этические рамки*. И создавались они не одно столетие. А ведь вся окружающая горизонтальная среда могла бы жить по другим законам. Вспомните картины П. Брейгеля, герои которых пьют, дерутся и т. п. Это именно то общество, где начинали зарождаться ценности протестантской этики, о которых мы говорим. И тогда нужно было вырвать себя из этой окружающей среды, что можно было бы сделать только метафизически, религиозно. Но сегодня, когда горизонтальные этические нормы уже устоялись, а кто-то по каким-то причинам захочет их открыто попирать, его поставит на место все окружение — друзья, партнеры, знакомые. У нас же пока все не так. Где та среда, которая должна заставить следовать именно рационализированным моделям социального действия.

Е. Турунцев. В принципе, эти модели, это новое поле рационального действия должно задавать государство...

И. Дискин. И оно же должно задавать *санкции* за нарушения этих моделей. Потому что другого субъекта, способного задавать санкции за нарушение норм, просто нет. Каким бы это государство ни было — кор-

рупированным, со всеми искажениями и т. д. Сегодня ситуация такова, что хороших рецептов у нас в стране уже давно нет. И перед нами, по-моему, стоит вопрос свободного выбора — или реформы проводят сильное государство, или мы имеем слабое государство и систему с нарастающей дезорганизацией механизмов социокультурного действия, что в итоге может дать только тоталитаризм. Потому что в условиях нарастающей социальной дезорганизации достаточно очень небольшой критической массы, способной сплотить дезорганизованное общество в борьбе с его моральными несовершенствами. Тогда мы получим тоталитарную систему, пронизывающую все общество, которая будет требовать от каждого, чтобы он, например, заучивал тезисы программы правительственных реформ и т. п.

Поэтому я думаю, что всем нам надо признать: реформы — дело долгое. Они будут продолжаться не один год и крайне противоречиво. То государство будет усиливать свое вмешательство в экономические дела, пытаясь укрепить какие-то позиции, спасти от нарастающей дезорганизации, то, напротив, его будут теснить самоорганизующиеся коммерческие структуры. Предстоит долгий период колебаний, в ходе которого будут брать верх то авторитарные, то либеральные тенденции. Просто такова специфика наших условий, нравится нам это или нет.

Но все это станет возможным лишь при условии, что среди российских элит начнет расти понимание того, что нам надо выстраивать социокультурные механизмы, надо выстраивать мотивационный комплекс. И главное — именно это, а не статистические данные о количестве новых предпринимателей или фермеров. Надо смотреть, является ли этот новый предприниматель на самом деле предпринимателем, т. е. являются ли его действия рациональными, эффективными и т. д. И стимулировать новую предпринимательскую деятельность довольно жесткими методами, не допуская отклонений от принятых в цивилизованном обществе этических норм.

Российская элита должна задуматься над тем, что *нужен некий идеологический каркас, который будет держать всю систему ценностей в нашем обществе*. Потому что без этого не возникнет структуры горизонтальных этических норм, способных автоматически удерживать каждого в его нише, в рамках рациональных механизмов социального действия. По-моему, только идеологическое или религиозное (что есть тоже идеологическое) обновление может создать новую систему норм, способных держать новую систему ценностей, интегрирующую общество. Критики идеи создания государственной идеологии обычно ссылаются на США, Великобританию и т. п., на то, что там ее нет. Но они забывают о другом: там идеология *разлита в общество*, просто стала его частью. Но как только она начинает ослабевать, появляются Р. Рейган или М. Тетчер, которые подзаряжают ее новой энергией. И общество получает новый импульс.

Если мы утверждаем, что ключевое измерение реформ — социокультурное, то основную проблему можно сформулировать так: какие усилия должна предпринять российская элита, чтобы дать хотя бы некоторые возможности для социокультурной консолидации, для выработки новых социокультурных механизмов, которые привели бы в движение реформы.

Е. Турунцев. Я бы хотел обратить внимание вот на какой момент. Если мы говорим о распространении в обществе какой-то ценности (в данном случае ценностей рыночной экономики), то имеем в виду, что общество принимает некоторый внешний отблеск этой ценности, т. е. социальное поведение как бы начинает строиться в соответствии с тем сценарием, который выстроен под эту ценность по информационным каналам. А как мы уже говорили, страна наша находится уже не за «железным занавесом». Можно говорить о нашем вхождении в мировое информационное простран-

ство. И по этим информационным каналам к нам перетекает та идеология, которая, по вашему выражению, разлита в западном обществе. Это идеология человека рынка, и она впитывается у нас.

И. Дискин. Я согласен. Но вопрос только в одном. Представь себе, что по этим информационным каналам мы получаем модель социального действия, выстроенную в ином, западном, контексте, и начинаем внедрять ее здесь. Сколько она тут проживет? Кстати, примером может служить деятельность наших совместных предприятий. Когда западный бизнесмен пытается наладить у нас какое-нибудь производство, он приходит в состояние отчаяния, близкое к помешательству. Потому что он привык к определенным моделям социального действия, выстроенным в системе жестких этических норм. И он не может понять, почему после того как проведены долгие переговоры и подписан договор, ничего не следует. Его контрагент не считает себя связанным никакими обязательствами...

Е. Авраимова. Вы убедительно говорите о необходимости новой идеологии. Но останавливаетесь на самом рискованном месте. Потому что как только эта идеологическая ниша заполняется, наступает просто кошмар. Она не заполняется тем, чем должна была бы заполняться. В обществе произошла инверсия. И ни все поиски нового, ни Бог не лезут в эту новую идеологию. Значит место Бога займет Дьявол. Свято место пусто не бывает...

И. Дискин. Живая идеология • — это всегда некий неожиданный поворот, не прямое воплощение некоторой странной, с рациональной точки зрения невысказанной, непостижимой, проблематизированной ценности. А вообще-то более или менее ясно, куда все пойдет. Вспомним, что в XIX веке социализм родился как реакция на разрыв протестантской нравственности и практики ее воплощения в жизнь. Кризис нашего государственного социализма произошел на том же самом месте — разрыве между идеологическими максимами социалистической доктрины и ужасом попытки ее претворения в действительность.

Ясно, что новая идеология будет вырастать из той ценности, которая сегодня проблематизируется в обществе. Надо понять, что это за ценность. Конечно, никакую идеологию сконструировать, выдумать нельзя, потому что это метафизический порыв людей. Но миссия и ответственность элиты состоит только в одном: быть готовой почувствовать, понять и не затоптать ростки зарождающейся идеологии, поддержать попытки тех идеологических поисков, которые ведутся в низах.

Е. Турунцев. Мы как бы вернулись к тому, о чем уже вспоминали. О лозунге Великой французской революции «Свобода, Равенство и Братство», о свободе и равенстве как средстве достижения гармонии. Мы пережили кризис идеологических построений, основанных на идее равенства. Но вспомним об архетипе, связанном со свободой. Существует некоторая реальная феноменология бытия в мире либеральных ценностей. А стало быть вы ответили принципиально на свой вопрос, какая это будет идеология.

И. Дискин. Нет, потому что в разговоре об архетипах все-таки было упущено братство. Я же думаю, что в нашей стране идеология родится как безумное сочетание либеральной ценности с братством — ценностью, очень органичной для российской культуры. И в это, по-моему, надо внимательно взглядеться.